

ЗАПАДНЫЙ ФОРПОСТ

Свободная газета

№ 6

ноябрь

2016

свободных поэтов

Андреаполь - Пено - Торонец

Нелидово - Белый

Осеннее

Бурых листьев «камнепад»
с тополей.

Через осень наугад,
дуралей,

Я с блаженной улыбкой
лечу.

Самому себе внушил:
по плечу

Мне судьбы моей крутой
виражи.

Что ж кобылка подо мною
дрожит?

И не слушает узды.
Вот те раз!

Пригляделся, да ведь это ж
Пегас!

*Фёдор Чибисов,
г. Нелидово*

Взгляд за окно – и слёзы по лицу:
Вот уж октябрь близится к концу!
Каштан у дома голый, без листьев,
На небе – тучи вместо синевы,

Усыпан двор опавшею листвою,
Гоняет шар каштана котик юный,
А листья мечет ветер-листобой,
Миноря вновь души ранимой струны.

А ведь всего полгода из окна
Я наблюдала, как цвела весна,
Как лето пело, как оно звенело...
И вот, почти что, осень пролетела,

Всего чуть-чуть осталось ноябрю
Добавить слёз небес на листьях
жухлых...
Как осень позднюю я не люблю:
Не только чувства, и глаза потухли.
В тревожном птичьем гомоне и
криках,
Скупого солнца через тучи бликах,
Я вам признаюсь, боли не тая:
Во всём минора звуки слышу я.

*Лариса Иванова,
г. Торонец*

Фото А. ЛЕЛЬБИКС

ВЗГЛЯНУТЬ НА ЗВЁЗДЫ

Валерий Яковлевич Снеговский – известный российский журналист-международник, ветеран ИТАР-ТАСС, член Союза журналистов РФ. Был корреспондентом ТАСС в ряде стран Африки, во Франции. Сегодня он – главный редактор журнала «Дети улиц» и газеты «Кадетское братство». В последние 20 лет его жизнь тесно связана с Андреапольским районом.

Он лущился романтизмом как мальчишка. Некоторая взерошенность причёски, её зазорные пряди, чуб ниже бровей довершали облик увлечённого своей затеей оптимиста. Перед нами, однако, находился человек поколения восьмидесятилетних. Именно то, что он к своим летам очень широко распахнут навстречу жизни, и привело Валерия Яковлевича на встречу с нами, книголюбями.

Мы оказались в зоне радиации, транслируемой им с исключительно благотворными целями, с положительной энергией, с заразительным желанием делиться тем, что крайне интересно ему самому. Перед нами выступал восьмидесятилетний человек и звал чаще смотреть на звёзды. Примерно так, в двух словах, можно сформулировать его увлечение идеями философа Николая Фёдорова – современника Льва Толстого.

Фёдоров некогда придумал философию бессмертия, названную им «философией общего дела». Это течение философской мысли живо и к нашим дням. В современном воплощении нашло себя в «русском космизме», с началом освоения землянами Вселенной лишь обретя почву для нового развития. Блеском этого «бриллианта», по выражению Валерия Яковлевича, этого «света, который мы несём миру», и делился Снеговский с нами. Увлечение философией он нажил ещё в юности, учась в столичных вузах переводческому делу заодно с журналистским.

Потом репортёрские тропы уводили

его в Африку, Францию. Посвятив себя работе над фактом, Валерий Яковлевич не бросал всесторонне осмысливать действительность, взгляды в бездонное небо. «Сама судьба вела меня к работам философов, которые касались бессмертия человека», – считает. Так родился сегодняшний Снеговский. Свою «книгу жизни» (долго писал и посвятил мыслям о вечности) он назвал «Мы вернёмся!». Издана под псевдонимом Валерий Изольдин.

Повод к выбору этого имени сидел рядом с нами в библиотечной аудитории – супруга автора, Изольда Ивановна, и это снабдило нашу беседу некоторой поэтичностью. «А как вы представляете себя жену, не бывшую соавтором?» – вместо затребованного ответа спросил слушателей Снеговский. Изольда Ивановна служила мужу в его творчестве и редактором, и критиком.

Не возносясь к философским высотам, со Снеговским легко согласиться в земных вещах. Например, что жизнь дана нам как испытание, что она, эта наша жизнь – дело рук человеческих, что когда человек сильно чего-то желает, то оно обязательно получается; и что наша людская сущность, вообще-то, это мечта.

Собеседник действительно мощно вовлёк нас в размышления о бессмертии, о вечной жизни. Ну а мы пожелаем Валерию Яковлевичу написать книгу о вечной любви.

Е. Мирова

стр. 1

Галина Андреевко

п. Пено

Поэт, а также член Союза журналистов России. Автор поэтического сборника «Сердце на булавочке» (2015г.). Является основателем и многолетним руководителем Пеновского литературного объединения «ПЛОТ». В настоящее время трудится в Твери заместителем генерального директора агентства «Верхневолжье» по работе с городскими и районными СМИ. Галина пишет различные по тематике стихи: в них читатель может встретить и любовную лирику, и пейзажную, и отражение глубоких внутренних переживаний лирической героини.

Свидание

Заглядывает рыжий день в окно,
Смеётся, пляшет, рукавами машет.
Я не встречалась с ним давным-давно,
А он пришёл вдруг, осенью пропахший.
Пожалуй, брошу всё, пойду гулять
С ним под руку, вдыхая запах сосен.
Листовой осыплет, обещаешь даст опять
Со мною быть, а завтра снова бросит.
Он ветрен. Он божественно красив.
Но мне не жаль, что будет он с другими,
Оставлен мне в подарок новый стих,
И гроздь рябины с листьями седыми.

Пожалуй, брошу всё, пойду гулять...

На краю

*Посвящаю Ирине Г.,
с надеждой, что она преодолеет
все трудности.*

Край. Под ногами – чёрная воронка.
Опоры нет, страховки – даже тонкой.
Я балансирую. Я знаю, устою
На этом в бездну рвущемся краю.

Мне б отойти назад, шаги направив
К устойчивой, надёжной переправе.
Но глаз не оторвать от черной бездны,
В которой все когда-нибудь исчезнут.
Держу баланс. Я не одна стою
На этом намагниченном краю.
Обрывками бумаги кружат мысли.
Так с веток ветер стряхивает листья,
Ещё не отшумевшие в печали, –
Не для того ли, чтобы всё сначала
Произошло? Не точка – многоточие...
Из почек вновь проклюнутся листочки...
Из голых веток вырастут цветы.
Из пепла вновь поднимутся мечты.
Я балансирую. Мне не нужна страховка.
За тех, кто смотрит в спину, мне неловко,
Кто думает: скорей бы уж упала.
Я стойкая. Я всё начну сначала...

Без меня

Однажды мир проснется без меня,
И вычеркнет из расписанья дня
Всё, что хотела сделать, что могла...
Останутся мои слова, дела,
Стихов необработанных тетрадка,
И не допалотые в огороде грядки,
Клубочек ниток, ставший вдруг
ненужным,
И груша, что сажали вместе с мужем...
Всё: птичье пенье летом на заре,
И листопад в янтарном сентябре,
И хрусткий снег, ложащийся в купель,
Весны многоголосая капель –
Всё будет чередой своей идти.
И только мне не будет там пути,
Лишь потому, что и меня не будет,
Когда жизнь утром разбудить забудет...

Я в сиреневом пальто

Я в сиреневом пальто
По лиловым переулкам
Отправляюсь на прогулку,
Чтоб не встретился никто.

Под ногами снег хрустит.
Фиолетовые тени
Опустились на колени,
Будто кто-то их простит.

Я не буду умолять,
Чтобы ты меня послушал,
Не могу я больше душу
Вновь к ногам твоим ронять.

Попутру не расстелю
Встреч ковровую дорожку,
Забывая понемножку,
Сильно как тебя люблю.

Я в сиреневом пальто,
Завернувшись шалью белой,
Выхожу на свет несмело.
Вдруг меня окликнет кто...

Про мою тень

Моя энергичная тень
опять забегает вперед.
Встает на дорогу, которую я выбираю.

Привычная личная тень
в ногу со мною идет.
И только отсутствие света её стирает.

Тень без особых примет.
Без роста и без лица.
В ней нет недостатков моих и нет пороков.

Она – только там, где свет.
Она – дело рук творца.
Шагает рядом, чтоб не было мне одиноко.

Возвращение

Туман съедает фонари
И тихо, незаметно плачет.
Нам надо встретиться, иначе
Земле не увидать зари.

Натужно провода гудят,
Ползут, как слёзы, электрички.
И вот мы вместе – по привычке
Лишившихся тепла котят.

Опять я грею молоко,
Янтарным мёдом булку мажу.
Не вздрагивают пальцы даже –
Жгу фотографии легко.

Через изорванный туман
Заря спускается на землю.
Пусть время чуточку подремлет,
Пока не выявлен обман.

Страна чужая далеко.
Все фотографии сгорели.
А мы целуемся в постели,
И убегает молоко.

Чужая история

Замуж выходила – не любила.
Ласками её полосовал,
Но большая внутренняя сила
Удержала от падения в провал.

Стерпится, да слюбится, сказали.
И четыре месяца ждала.
Складочка закушенной печали
Незаметно возле губ легла.

Не стерпелось, как он ни старался,
С нелюбимым холодна постель.
После расставания остался
Голос ей – чтоб песни петь теперь.

И поёт. Стихи ее крылаты.
В них щенячьи звонкая тоска,
Словно «виновата, виновата»
В тонкой жилке бьется у виска.

ПАМЯТИ ПОЭТА

21 октября – день рождения нелидовского поэта, журналиста и краеведа Валентина Штубова, члена Союза писателей России, лауреата Премии имени Н.С. Гумилёва. В этот день работники Нелидовской центральной библиотеки обратились к читателям с призывом вспомнить Валентина Николаевича и его творчество, выложив свои любимые стихи Штубова на страничке в соцсетях. Творчество нашего выдающегося земляка очень близко и многим авторам «Западного форпоста», поэтому мы решили поддержать это доброе начинание на страницах газеты. Предлагаем вашему вниманию присланные нашими авторами их любимые стихи Валентина Штубова.

ПАМЯТЬ

В роднике, что затих навсегда,
Тихо-тихо смеется вода.

Так же тихо мы рассмеемся,
Я увижу сквозь забвенье:
Словно яблона или солнце,
Отраженья

танцует
твое...

*прислано Людмилой Леоненковой,
г. Белый*

ВЕСЕННЕЕ ДЕРЕВО

Если ветер неистово дунет –
поведёт ветвистым плечом.
Тише... Дерево думает...
О чём?

В жарком щебете над рассветами,
Заливаясь, журча, смеясь,
Меж деревьями и поэтами
Воскресает земная связь.

А весна подарила завязи,
Зарождённые в тишине.
И немало высокой зависти
К той гудящей голубизне.

А весна над глухими дуплами
Разъярённым грачом орёт.
Тише! Дерево думает...
Ждёт.

Сердцу слышно, как зачарованно,
Затаённо, едва-едва
Распускаются листья, словно
Удивительные слова.

*прислано Ларисой Ивановой,
г. Торопец*

Я – простой библиотекарь. Не берут меня
в редакцию:
Говорят, что недостойн... Почему? – пойми
аллах.

А читатели сочувствуют и в судьбе моей
участвуют:
«Да пошлите их подальше! Позаботьтесь о
стихах».

...Ах, читатели, читатели... Распрекрасное
вы племя.
И работая в редакции, вспоминаю всё
равно,
Как вы снова говорите: «Дайте нам про
наше время».
Это сколько вам угодно – вот, пожалуйста,
оно!

Ах, читатели, читатели... Вы мои по крови
братья.
Понимаю ваши вкусы, только меру знать
пора.

Это что ж вы говорите: «Дайте мне про
тётю Катю»?

То есть про Екатерину, что угробила
Петра?!..

Ах, читатели, читатели... Ну уж, право,
воля ваша.
Впрочем, ладно, получайте, – улыбаюсь я
светло.

– ...Ну, а вы чего хотите?

– Дайте мне про дядю Сашу.

– А-а, вам надо про Суворова? Это уж куда
ни шло...

Очень быстро распрощались. Как бы снова
с вами встретиться?

Очень близки вы и дороги: это – правда,
видит Бог.

Замолчит библиотека... Только книги тихо
светятся.

О, мерцание туманных и загадочных эпох!

Двигут стрелки к девятнадцати...

Закрывать, пожалуй, время.

Что ж себе такое выбрать? Вроде всё
пересмотрел.

Замечтался, не заметил – ты стоишь
нарядной тенью.

– Это что же ты так поздно? Уходить уже
хотел.

– Я в окошко увидела, что стоишь и снова
киснешь.

О «летающих тарелках» принесла тебе,
чудак.

...А потом ты мне сказала: «Дай мне книгу
своей жизни:

Я о прошлом почитаю».

Я ответил: «На руках».

прислано Натальей Ивановой,

п. Пено

и Игорем Столяровым, г. Нелидово

ВАЛЕНТИН ШТУБОВ

г. Нелидово

ДВЕНАДЦАТЬ СТРУН В ЧЕСТЬ ПОЛЯ КУЛИКОВА

МЫ (глава поэмы)

– Почто не спишь? Взгляни на Пересвета...
Как отрок спит... Хоть притворись да ляг.

– Ему-то что: при жизни он отпетый.

– Ему-то что! И кмет он, и монах.
Грехи свои он Сергию оставил.

– Не Сергию, но Богу. Не хули.

...Кружится сон, сбиваясь в птичьи стаи.
То лебеди летят аль журавли?

– Светило вон – и то закрылось тучей.

– Похоже, что горит в избе окно...

Как медлен сон, как будто мёд тягучий!
Наутро брашно будет солоно.

Бела земля... Заране поседела?
И бабы али волки там навзрыд?
Но ты засни. А сон – целитель телу.
И, значит, он тебе наутро щит.

Над полем утомлённый ветер веет,
И Дон течёт, созвездьями журча.
Как долгод сон – железо поржавеет!
И краток сон, как будто взмах меча.

Расправь траву... Дыши ушедшим летом.
К покою припади горячим ртом.
А Родина сперва приснится светом,
А лесом или избами – потом.

*прислано Петром Бобуновым,
г. Нелидово*

БАБУШКА ВЕЕТ БРУСНИКУ

Нет ослепительней мига:
В чистом осеннему бору
Бабушка веет бруснику
На посвежевшем ветру.

Как среди жизненных тягот
Взор её чистый упрям.
Ветер листочки от ягод
К ближним относит кустам.

Время её не жалеет,
Только она не грустит:
Бабушка веет и веет,
Ветер летит и летит.

Время вздохнуть не успело –
Вот её больше и нет.
Сколько уже пролетело
Листьев и солнечных лет.

Но, заглядевшись на блики,
Снова увижу в бору:
Бабушка веет бруснику
На посвежевшем ветру.

*прислано Виктором Королёвым,
г. Белый
и Натальей Шабановой,
г. Андреаполь*

На что моя надеется душа,
Когда воскреснет в новом высшем мире?
Пусть я порой побрякивал на лире,
Но в целом жил – спеша, дыша, греша.
Увы, на сердце руку положи,
Мне неуютно будет в райской шири:
Грехи во ад потянут, словно гири...
Но верю всё же, что взлетит душа!
Её спасут десятки душ родных
И скажут: «Не грешнее остальных
Он жил, и здесь пусть будет с нами,
значит –
Коль жил, на сердце руку положи».

На это и надеется душа,
Когда сегодня об ушедших плачет.

*прислано Маргаритой Петровой,
г. Андреаполь*

БЕССОННИЦА

За окошком гремит столетье,
Не давая покоя-сна.
Неужели была на свете
Первозданная тишина?

Не ревели автомобили,
Самолеты и поезда.
Первозданные тучи плыли,
Оглушая лишь иногда.

Ехал смерд по лесной дороге,
Поросенка с базара вез.
И скрипели неспешно дроги,
Отвечая движенью звезд.

*прислано Светланой Виноградовой,
г. Нелидово*

Осеннее

День хмурил брови с раннего утра,
Но к вечеру вдруг гнев сменил на милость.
Вильнув хвостом, скребущая хандра
Полёвкой-мышью в норке затаилась.

Душа светлей, чем лёгкий небосвод,
Чем желтый клен, подсвеченный закатом.
Прекрасней нет на свете несвобод,
Чем быть плененной этим листопадом.

Ловить опавших яблок аромат,
Сад брошенный соседский ими устан.
«Все хорошо, – вам листья прошуршат, –
Забудь, что утро нынче было тусклым».

*Маргарита Петрова,
г. Андреаполь*

ОСЕННИМ ВЕЧЕРОМ

Гроздьями рябины одинокой
Сумерки окрест освещены,
Свет стекает по лугу полого
До реки, где бакены видны.

Взгляд струится по упругой глади
За далекий перекал реки,
Где осина скидывает платье
Холодам грядущим вопреки.

А вода уходит и уходит
Времени стремительному вслед.
Я стою на краешке природы,
Медленно растрачивая свет.

*Александр Коган,
г. Бежецк*

ЮЖНЫЙ ВЕТЕР

Южный ветер над городом рвется,
Южный ветер в конце октября.
Он над осенью поздней словно смеется,
Озорной и беспечный, как юность моя.
Под окошком березу задиристо треплет,
Золотую листву обрывает кружась,
Рвет с прохожего хмурого серую кепку,
И уносится дальше, девчонку догнать
торопясь...
Южный ветер, шальной и веселый,
Как ушедшего лета прощальный привет,
Уронил мне в ладони листок невесомый,
Будто солнышка ясного ласковый свет.
Золотой-золотой, лист, как солнечный
зайчик,
Замер трепетно-нежно в ладони моей...
Ах, спасибо тебе, ветер, ласковый мальчик,
Потеплело на сердце от ласки твоей.

*Людмила Леоненкова,
г. Белый*

Валентин Штубов у Монинской церкви
Фото из семейного альбома

Светлана Виноградова

г. Нелидово

У моря свои повадки. Ну откуда это могла знать 19-летняя девчонка, всю свою жизнь прожившая в провинциальном городке, мимо которого мирно текла неширокая речушка? В весеннее половодье Межа несильно заливала раскинувшиеся по обеим сторонам луга, а волны в ней поднимали лишь резвящиеся в воде ребятишки.

Путёвка в Болгарию обещала исправить этот пробел: в красочном буклете туристам было обещано южное солнце, золотой пляж Албены и ласковое Чёрное

Волна-проказница

море... Так оно всё и случилось. Новые впечатления, новые знакомства, солнце, фрукты, розы, бирюзовое по утрам море... Не всегда оно было спокойным. В тот день ветер наворачивал мощные валы и гнал их к берегу. Кто хорошо плавал, катались, замирая от восторга, на высоченных волнах; иные же, в том числе и я, робкая и неумелая пловчиха, находили себе занятия на берегу. Люди загорали, играли в бадминтон или, расположившись кружком (наши!), бились в подкидного.

Меня тянуло к морю, но я осмелилась лишь собирать ракушки и морские камешки на мелководье. У пенистой кромки разлеглись в вольных позах молодые люди. Судя по внешнему виду и манерам – иностранцы. Мой путь пролегал мимо них. Я бродила по щиколотку в воде, то и дело нагибаясь, чтобы поднять или необычной формы камешек, или красивую ракушку. Старалась, конечно, двигаться изящно и грациозно (молодость, молодость!), не забывая о невольных зрителях.

Увлёкшись поисками, зашла довольно далеко от берега, узрела под толщей воды «добычу», нагнулась, чтобы ухватить находку. И тут кто-то совершенно неожиданно пинком под зад с силой толкнул меня к берегу. Не помня себя, растопырив руки и выпучив глаза, торпедой летела я к берегу. Упала! и ещё с метр пропахала собой песок... прямо к ногам загорелых и весёлых

юношей. Ну а что поделаешь? Встала, отплывавшая и не глядя от стыда по сторонам. Песок был на лбу, в носу и даже во рту. Жертва нахлынувшей морской волны.

Но, оказывается, я ещё отделалась хорошо. В тот же день выявилась и другая пострадавшая от моря-проказника. Когда я пришла в себя и постаралась как можно дальше уйти от места своего «падения», обратила свои взоры на беспокойную водную гладь. И застыла от удивления: из морской пучины выходила жена руководителя нашей группы. Высокая роскошная женщина. Безмятежно улыбаясь, она расслабленно шла к берегу, и её ничем не прикрытая пышная объёмная грудь колыхалась в такт движению... Вот это да! Иностранки, особенно пожилые немки, загорали на пляже топлес (ничего в этом шокирующего не усматривалось), но чтобы партийно-советская, очень серьёзная и зрелая дама позволила себе так смело обнажиться! (Шли в ту пору брежневские семидесятые годы). Последующее за этой сценой действие загадку разрешило: от берега к жене на всех порах мчался её муж, размахивал руками и что-то выкрикивал. Наконец сбитый волной верх купальника был водворён на место. А мы ещё долго подшучивали над нашей «Афродитой». Мои прибрежные кульбиты, к счастью, никто из группы не заметил. А я помалкивала. Какие мы были наивные, молодые и глупые.

Музыка для рыбы

Когда знакомые слышат «позывные» моего мобильного телефона, обычно удивляются выбору сигнала – отрывистому, звонко-пронзительному велосипедному треньканью. Признаюсь, что это не претензии на оригинальность, а совершенно оправданная необходимость. Потому что убедилась однажды в том, как красивые мелодии в качестве телефонного звонка могут запросто ввести в заблуждение.

Вечером, по пути с работы домой, я имела обыкновение покупать продукты. Так и в тот день зашла в супермаркет за рыбой. Подошла к прилавку с замороженными морепродуктами, вдруг слышу – музыка заиграла, да такая мелодичная... Обрадовалась даже: что придумали торговцы, какие молодцы! Понимают, что гораздо приятнее под такое сопровождение покупки

совершать. Отошла к другому прилавку – музыка стихла. Потом снова зачем-то в рыбный отдел завернула... И, о чудо! Вновь полились ласкающие слух звуки. Я даже постояла подольше, послушала. И дальше пошла. Мелодия стихла. Ну надо же, удивилась я про себя, неужто музыка запускается только возле рыбы? Дай-ка ещё подойду к этому прилавку. Точно! Не успела шаг к нему сделать, как вновь услышала приятные переливы... И вдруг, будто ошпарило: Боже, это ж мой мобильник! Стала судорожно шарить в сумке, нашла, а в трубке голос моей старенькой мамы. Чуть не плачет, бедная: куда дочка запропастилась!? Успокаиваю её, а самой от смеха не удержаться.

Но с тех пор сигналы для телефонных звонков выбираю с оглядкой. Никаких лирических мелодий!

Осеннее

Хрустели лужи, серебрились в листве асфальтовые дыры, на белом фоне тени длились, и было солнечно и дымно, и пахло горько и тревожно, а синева была промыта, и груда ранцев на дорожке была заброшена, забыта. Ребрились тени и качались, рисунок непонятный ткали, думы, проворные вначале, по парку вяло растекались, слоились, плавали, внушая вещественность структуры света, и с шумом, хохотом, шушаньем ватага поджигала лето...

С трудом скрывая злую зависть, топча серебряное стремя, зима белёсыми глазами поверх домов на них смотрела...

Владимир Юринов,
г. Андрееполь

ПЯТКА

продолжение

Крайнов понял, что Иван опять прав.

– Ты давай, ешь, – Иван подвинул тарелку с дымящейся яичницей. – Ешь и буди свою мартышку. Ты, кстати, жениться на ней обещал.

Крайнов с тоской посмотрел на друга.

– Это какой же я пьяный был. И что теперь делать? Я ведь никому такие вещи не говорю. И я даже не помню, как её зовут.

– Ладно, не расстраивайся, – засмеялся Иван. – Это я беру на себя.

Никитаковырялвилкойяичницуи тяжело вздыхал. Так напивался он только один раз. Ему было семнадцать. После выпускного бала все одноклассники пошли на берег реки. Кто-то купался, кто-то обливался шампанским, кто-то украдкой целовался. Никита тогда первый раз выпил водки. Хорошо, что друзья не бросили его, а приволокли к входной двери, позвонили и убежали. А потом мама с Элькой отпиливали его горячим чаем. Это настолько врезалось ему в память, что со спиртным он практически «завязал». Нет, конечно, он мог позволить себе бокал хорошего вина или рюмку выдержанного коньяка. Но не более того.

И вот сейчас он сидел и страдал от головной боли, от тошноты. И всё из-за того, что какая-то журналистка посмотрела картину. Величайшая глупость!

От мрачных мыслей Крайнова отвлекло шлёпанье босых ног. Он оглянулся. В дверном проёме показалось рыжеволосое создание. В одних прозрачных трусиках это создание зевало во весь рот и с удовольствием потягивалось.

– Вот, тут звонили чего-то, девица, не стесняйся, протянула Никите его телефон.

– Кто звонил? – Крайнов выхватил телефон. Номер был незнакомый. У Никиты запылило в груди. Похоже, это опять он, странный собеседник. Он уже звонил два раза и просил по-хорошему отдать его вещь.

– А я тоже хочу кушать, – плаксиво протянула девица. Плюхнулась на стул и впросительномосмотрела на Никиту. Тот протянул ей свою тарелку с уже остывшей яичницей.

– Кушай, ээ...

– Катя. Меня зовут Катя. Да вы уже, наверное, забыли. Вы ж меня всё разными именами называли. Но я не в обиде.

Катя встряхнула своими рыжими спутанными волосами и принялась уплетать яичницу. Никита с Иваном переглянулись.

– Ты б умылась, Катюша, – ласково сказал Иван. – Да и одеться бы неплохо было.

– А я всегда после завтрака умываюсь, – заявила Катюша с набитым ртом.

– А одеться? – переспросил Иван.

Катя недоуменно посмотрела на него.

– Так я ж одета.

Никита снова поглядел на её прозрачные трусики и не удержался от смеха. Иван сидел, отвернувшись от девушки, и его плечи тряслись от сдерживаемого хохота.

Когда Катя наелась, Иван настойчиво пригласил её в ванную комнату. Посвежавшая, пахнущая дорогим мужским гелем для душа, девушка нехотя стала одеваться.

– Давай-давай, роднуля, поторапливайся. У нас с Никитой срочное дело.

– Ниик, – протянула Катя. – А когда мы с тобой встретимся?

Крайнова передёрнуло. Он ненавидел, когда его так называли. Иван перехватил его взгляд и быстро сказал:

– Он позвонит тебе, Катя, обязательно позвонит.

Уже стоя в дверях, девушка потянулась к Никите для поцелуя. Он чмокнул её в щёчку.

Когда захлопнулась дверь, Крайнов с облегчением вздохнул.

– Знаешь, Иван, а поеду-ка я сегодня к маме.

– Это правильно. Сегодня тебе всё же нужно отдохнуть, поесть мамино супчика. А я тебя подвезу. Так что собирайся.

Когда время перевалило за полночь, я попыталась уложить Ленку спать. Но она стала отчаянно сопротивляться, и мне пришлось вызвать такси. Подруга долго объяснялась мне в любви. Шофёр настойчиво сигнализировал под окном. Мне пришлось даже немного применить силу. Запихнув подругу в машину, я взяла у водителя номер телефона. Чтобы быть спокойной за Ленку. Водитель клятвенно заверил, что проводит её до самых дверей. Подкрепила эту клятву купюра, которую я сунула ему в руку. Проводив взглядом машину, я вошла в подъезд, устало поднялась на второй этаж. На моём коврике под дверью сидел здоровенный соседский кот и урчал.

– Брысь! – сказала я ему.

Но кот и не думал уходить от моей двери. Он прижал уши, подвывал и что-то усиленно тискал своими мощными лапами.

– Что стащил? – спросила я кота. – Колбасу у хозяев? Ну-ка, дай пройти!

Я попробовала отодвинуть кота ногами. Вдруг между его лап показалась серая мордочка. Чёрные глазки посмотрели на меня и закрылись. Послышался слабый писк.

Боже! Это крыса! Я в растерянности замерла. Потом резко схватила кота за шкирку и отбросила в сторону. Не ожидая такой подлости, кот изумлённо смотрел на меня. А я смотрела на крысу. Она никуда не убежала. Лежала на моём коврике и тихо стонала. Понимая, что делаю глупость, я сняла с себя футболку и накинула на крысу. Потом осторожно взяла это животное на руки. Крыса не сопротивлялась.

– Вот так, – я показала коту язык и открыла входную дверь.

Дома я развернула футболку и стала осматривать крысу. Ей, видимо, было совсем плохо. Она дрожала всем телом. Вдоль позвоночника тянулась глубокая рана. Местами кровь уже застыла. Наверное, котяра забавлялся с ней довольно долго. Я взяла перекись водорода и полила рану. Крыса дёрнулась, но не убежала. Чёрные глазки посмотрели на меня и закрылись.

Ольга Алексеева

г. Нелидово

– Эй, – прошептала я. – Ты только не умирай. Я что, зря тебя спасала?

Потом я достала из аптечки ранозаживляющий спрей и обильно полила им рану. Осторожно взяла крысу на руки и положила в пустую коробку из-под туфель.

– Надо тебя как следует осмотреть. Может, ещё где нужно помазать.

Осмотр занял одну минуту и поверг меня в состояние ступора. Надо же, а я и не знала, что особи мужского пола все похожи! У меня в коробке лежала не крыса, а самый настоящий крыс. Со всеми мужскими достоинствами! Ему было настолько плохо, что он даже не пытался меня укусить. Тихо стонал, часто вздрагивал и тяжело дышал. Поставив коробку рядом с кроватью, я честно попыталась уснуть.

Уснуть не получалось. Каждый час я вскакивала, заглядывала в коробку и снова ложилась. Лишь под утро я задремала, и мне приснился соседский кот. Он вырос до размеров бегемота и кричал: «Отдай мою крысу!»

Проснувшись я от звука молотка. Сосед за стеной что-то усердно приколачивал. Я заглянула в коробку. Крыс спал.

– Как же мне тебя назвать? – подумала я. – А, знаю, ты будешь Митькой.

Крысу следовало бы покормить. А что едят крысы? Я заглянула в холодильник. На меня одиночно смотрели йогурт и кусочек сыра. Видела бы мама! Она постоянно звонит и спрашивает, что я поела, какой супчик сварила, что приготовила на ужин. Сейчас в холодильнике было пусто. Сыр! Крысы должны любить сыр. Я отрезала кусочек и положила его в коробку. Митька посмотрел на сыр, тяжело вздохнул и отвернулся. Ладно, не хочешь, не ешь. По дороге на работу зайду в зоомагазин, куплю какого-нибудь корма. Я налила в блюдечко воды, поставила его в коробку и сказала: «Ты остаёшься за старшего! Я на работу, а вечером принесу чего-нибудь вкусенького».

Я выскочила из маршрутки возле магазина «Кот и пёс». За прилавком сучала

дама. Даме было лет сорок с «хвостиком». На полках стояли разные корма, какие-то чашечки, пузырьки. Даме сидела, уткнувшись в телефон.

– Кх-кх, – покашляла я.

Продавщица подняла на меня глаза. Несмотря отложила в сторону телефон.

– Что вам? – процедила она.

– Корм для крысы.

– Крыса какая?

– В смысле? – не поняла я.

– Атласная, Рекс, бесхвостая, Голая.

– Да у меня простая крыса. Уличная.

Продавщица закатила глаза к небу.

– Отраву рядом в хозяйственном магазине.

От возмущения я не знала, что сказать. Моему Митьке предложили отраву!

Я резко повернулась и вышла из магазина. Я всю дорогу бормотала о том, что продавец – это лицо магазина. Это они делают выручку. Приносят прибыль. Но с такими продавцами магазин можно закрывать. Бормоча, я добралась до работы.

Первым делом позвонила Ленке. Телефон не отвечал.

– Спит, наверное, – подумала я и принялась за работу.

В обед снова позвонила Ленке. Телефон ни гу-гу. Я начала беспокоиться. К вечеру я уже не выпускала трубку из рук. Телефон подруги по-прежнему молчал. Вечером я забежала в супермаркет, набрала всякой всячины. Стоя у кассы, я вдруг засмеялась. Можно подумывать, меня дома ждем мужчина. Я словно для любимого накупала много вкусной еды. А дома меня ждала всего лишь крыса. Причём уличная.

Митька меня ждал. Лишь только я вошла домой, из коробки выглянула серая мордочка.

– Ну, как ты? – спросила я.

Крыс пошевелил ушами. Я разгрузила сумки. Нарезала яблоко, банан, наломала печенья. Всё это сунула в коробку. Митька понюхал всё, потом взял лапками печенье и стал грызть. Я засмеялась. Потом вспомнила про Ленку. Снова набрала номер. Тишина. Водитель! Я хлопнула себя по лбу. Я же записывала номер таксиста. Я бросилась к стиральной машине, достала джинсы. В кармашке лежала записка. Я набрала номер.

– Алло!

– Я вас слушаю, – ответил мне приятный мужской голос.

– Это вас беспокоит Анна. Вы вчера отвезли мою подругу.

– Леночку? – перебил меня таксист.

Эээ... да, Лену.

– Леночка отдыхает. С ней всё в порядке. Я передам, что вы звонили.

В трубке послышались гудки. Я недоуменно смотрела на телефон. Что это было?

Ленке в жизни не везло. Родителей она почти не помнила. Они умерли очень рано. Зато она хорошо помнила интернат. Там был ад. Выживал сильнейший. Она много дралась, её постоянно наказывали. Самое хорошее, что она помнит из детства, это каникулы. На каникулах её забирала к себе

в деревню старенькая тётя Тоня. Ей не позволяли забрать девочку совсем из-за возраста. Но каникулы – это было счастье. Ленка нежилась до обеда в теплой постели, на мягкой большой перине. Рядом на подушке всегда спала толстая полосатая кошка. Пахло блинами, кашей. Тётя Тоня, как могла, баловала Ленку. Когда тётя умерла, Лена уже заканчивала школу. Нотариус ей передал дарственную на дом и небольшие сбережения. Потом был институт, хорошая работа. На работе ей даже выделили ведомственную квартиру. И все равно Ленка считала, что ей не везет. По большому счету ей не везло с мужчинами. У неё было два бурных романа, но все они закончились одинаково. Мужчина сначала перебирался жить к ней. Потом переставал работать. Ленка пахла, как лошадь. Приходила домой, падая от усталости. А на диване лежал «большой ребёнок» и требовал, еды, любви и ласки. Потом в отношениях наступал «час пик». Лена выгоняла свою «большую любовь». И начинала жить спокойно и размеренно.

Впервые утром Ленка проснулась не от будильника. Он проснулась от запаха. Пахло, как в детстве. У тёти Тони. Пахло овсяной кашей и ещё чем-то неуловимым. Девушка спустила ноги с кровати. Что-то изменилось в квартире. Пока ноги нащупывали тапки, Ленка ощутила приятную прохладу пола. Чистого пола. Без крошек. Пол был вымыт. На диване не валялась скомканная одежда. Даже цветы, вечно страдавшие от Ленкиной забывчивости, сверкали вымытыми листьями. Ничего не понимая Ленка встала с кровати. В комнату вошел мужчина. Девушка завизжала и запрыгнула обратно на кровать.

– Вы кто? – закричала она. – Что вы делаете в моей квартире?!

– Успокойтесь, – сказал незнакомец. – Всё хорошо. Я – таксист. Привез вас домой. Вы были в таком состоянии, что не могли закрыть за собой дверь. Мне пришлось остаться у вас. Я отпросился с работы и караулил вас всю ночь.

– А кто меня раздевал? – спросила Ленка.

– Я, – спокойно ответил незнакомец.

– И?

– Что и?

Ленка кивнула головой на кровать.

– Ах, вы об этом, – мужчина рассмеялся.

– Нет, ничего не было.

– И не будет, – сердито сказала Ленка.

– И вообще, убирайтесь отсюда. Кто вам позволил здесь находиться, да ещё хозяйничать.

– Ну, прибрался немного, – снова улыбнулся незнакомец. – Вы умывайтесь и давайте завтракать. Пошёл я на кухню.

Мужчина удалился. Ленка помотала головой. Не сон ли это? Нет, все наяву. Вон и плед в кресле. Видимо, таксист спал в нём. Ленка побрела в анну. И сразу же чуть не задохнулась от возмущения. На сушилке висело выстиранное бельё, включая трусики и бюстгальтер. Ну, это уж слишком.

– Знаете что!!! – закричала Ленка, выскочив из ванной.

– Знаю, – спокойно сказал незнакомец. – Знаю, Леночка, что сейчас ты выпьешь горячего куриного бульона. Потом полежишь немного. И позже покушаешь каши. Похоже, ты вообще плохо питаешься.

Мужчина взял Ленку за плечи, развернул и повел в комнату. Она как-то сникла и послушно пошла. Таксист усадил её в кресло, придвинул столик. Без крошек, чистый, даже немного незнакомый. Принёс пиалу с горячим бульоном. Ленке вдруг показалось, что она в деревне у любимой тёти. Попробовав бульон, Ленка чуть не проглотила язык. До чего было вкусно.

Незнакомец смотрел на неё и молчал. Девушка поела, откинулась на кресло и спросила:

– Знакомиться будем?

– Феликс.

– Феликс? – приснула Ленка. – Не Эдмундович, случайно?

– Нет, Викторovich, – ответил мужчина. – Меня родители назвали не в честь Дзержинского, а в честь моего прадеда. Ну как? Вкусно?

– Очень, – протянула Ленка и улыбнулась. Она никак не могла понять, что происходит. Посторонний мужчина, которого она абсолютно не знает, хозяйничает у неё дома, и ей это нравится. Нравится, что впервые за много лет ей принесли горячий бульон. Нравится, что кто-то называет её Леночкой. Это какое-то наваждение! Ленка потрясла головой. Феликс куда не исчез. Он сидел в кресле, в руках у него было кухонное полотенце. Мужчина смотрел на Ленку, как её тётя Тоня. Как-то особенно, по-доброму... Так смотрят на мимимишных котиков в интернете. Ленке стало тепло-тепло. Она поставила на тумбочку чашку, обняла себя за плечи и спросила: «Ну, а дальше у нас какие планы?»

Пролетели выходные. Впервые я НИЧЕГО не делала. Абсолютно ничего. Валялась в постели, смотрела телевизор, заказывала пиццу (о, ужас!). Митька тоже смотрел со мной все передачи, грыз печенье, пил водичку. Я переселила его из коробки в большую клетку. Клетка была с тремя этажами, с поилкой, с домиком. Митька поначалу отнёсся к своему новоселью настороженно, но позже привык. Стал носить к себе в домик всякие крошки, обрывки бумаги. Ночами он постоянно чем-то шуршал, бегал по своим этажам, причмокивая пил. И мне это очень нравилось. Дверцу в клетке я не закрывала. Крыс иногда вылезал, забирался по моей ноге на диван и усаживался рядом со мной. Смотреть телевизор. В воскресенье вечером раздался звонок. На пороге стояла моя подруга. С мужчиной. Ленка вся светилась.

– Аня, – зашептала она. – Познакомься, это Феликс.

– Да вроде мы уже знакомы, – я узнала в этом Феликсе таксиста. Того самого, который подвозил Ленку домой.

продолжение следует

ВЫСОКОВОЛЬТНОЕ

*Как жить?
Как жить без тепла и света?
Ответ прост.
Никак не прожить.
Вот и ищем мы источники энергии.
Солнце. Огонь. Поэзию.*

*А. Коган
Из сборника стихотворений
«Тепло и светло»*

Подернут легкой грустью лес,
А в парке приуныли клены.
Оформить пенсию в собес
Спешу, и провод оголенный
Опасен менее, чем я,
Так дата в паспорте взбесила.
Остынь. Советуют друзья.
Не в возрасте у бабы сила.

*Светлана Большенкова,
г. Нелидово*

...пускай трамвай спешит кружить,
обязан проводу движеньем, –
а человек способен жить
с гораздо меньшим напряженьем...

...и всё равно светить, гореть
сквозь расстоянья в дни и ночи,
и мир нечаянно согреть
дыханьем строчек.

*Игорь Столяров,
г. Нелидово*

НЕ СТИХИ

Хлестко. Без рук.
Вызвать испуг
Словом, вторым.
Злоба, как дым
Клубами плывет,
ведет хоровод
И заполняет комнаты,
где только двое – я и ты.
Нет тормозов, чтобы нажать,
Вдавить в пол ногой,
в стекло – головой.
Вот и несет на лобовое.
Живем по привычке.
Две электрички –

навстречу друг другу
Летим
По одному пути.
И никому не сойти.
– Ты отойди.
– Нет, ты.
Нас только двое.
– Тесно с тобою.
Ходили по кругу.
Теперь понеслись на лобовое.
Что стало с любовью?
Она в ДТП погибла.

*Галина Андреевко,
Пено – Тверь*

Время от времени
В любовном живу измерении.

Страдаю и мучаюсь
От этой прекрасной участи.

Но мне еще хуже,
Когда кончается этот ужас.

Умираю,
Отсутствием любви раненый.

Не надеюсь на лучшее
До нового случая.

И вот она, желанная,
Оживаю.

Больно клеточкам нервным,
Полнось любви энергией.

Теперь для других отсутствую,
Вновь потеряв рассудок.

Глаза горят отрешенно,
Не думаю ни о чем я.

Думаю только о пассиве,
В счастье своем купаясь.

*Александр Коган,
г. Бежецк*

Не искрит, хотя глаза в глаза
за вагонным столиком сидим.
Видно, срок истек на чудеса,
иль помехой ссор давнишних дым.

«Вспо-мни-всё», – бесстрастен стук колес.
И в размякшей памяти всплывет
пламень пальцев, аромат волос,
напряженье в много сотен вольт.

С чем сравнить? Контактный рельс в метро?
Можно ль брать энергию в кредит.
Потому, наверно, не искрит,
что исчерпан начисто лимит,
и в душе бесстрастно и мертво.

*Маргарита Петрова,
г. Андреаполь*

Тишина большого города –
Одиночество.
Перестают быть люди гордыми
Одну ночь из ста.
Давно нервов провода
Обесточены.
Право изредка страдать
Опорочено.

Извращена сама любовь –
Стала сексом.
Душу в жертву приготовь
Или сердце.

*Артём Виноградов,
Нелидово – Москва*

ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

Одни из них длинные. Другие – короткие.
Одни из них толстые. Другие – худые.
И вроде как шли они своими дорогами.
И вроде как жили они. И вроде как – были.
И были, и жили, и жизни тратили,
блестели и блёкли, блюли и блудили.
Гордились одни из них стальными
характерами.
Красивой одежкой гордились другие.
И кто-то валил, а кто-то сваливал.
И кто-то валял с прицелом на вечность.
И кто-то паял. И кто-то спаивал.
И кто-то ничто трансформировал в нечто.
И кто-то, конечно, правил и праздновал.
Иной жил словами, а кто-то – числами.
Но были при всей своей внешней разности
они одинаковыми до неразличимости.
И были, и жили в незнание блаженном,
вставая в сплетенье хай-тековых кружев,
лишь чувствуя смутно – броженье?
движенье? –
как будто внутри. А быть может, –
снаружи?
Да кто разберётся?! Они не вникали,
от жизни кусая большими кусками.
Они были просто проводниками.
И ток пропускали...
И ток пропускали...

*Владимир Юринов,
г. Андреаполь*